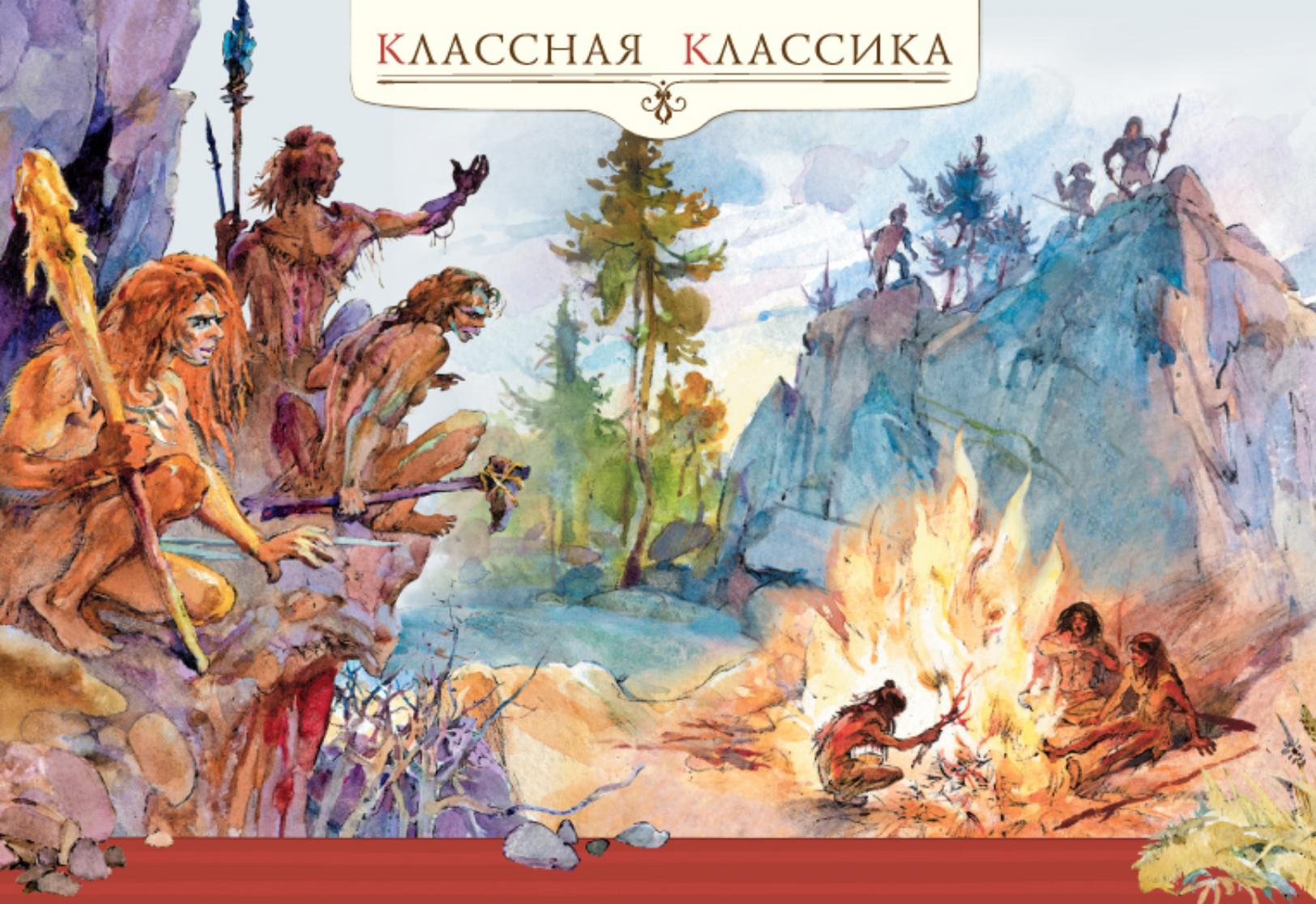

КЛАССНАЯ КЛАССИКА

Жозеф Рони-Старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

✠ Machaon

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Смерть Огня

Глава вторая. Мамонты и зубры

Глава третья. В логове медведя

Глава четвёртая. Пещерный лев и тигрица

Глава пятая. Под базальтовыми глыбами

Глава шестая. Бегство

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая. Пепел

Глава вторая. Погоня за Огнём

Глава третья. На берегах Большой реки

Глава четвёртая. Союз с мамонтами

Глава пятая. Битва за Огонь

Глава шестая. Поиски Гава

Глава седьмая. Под защитой мамонтов

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая. Рыжие карлики

Глава вторая. Гранитная тропа

Глава третья. Ночь на болоте

Глава четвёртая. Сражение в ивняке

Глава пятая. Вымирающее племя

Глава шестая. Через Страну воды

Глава седьмая. Голубые люди

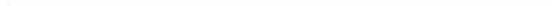
Глава восьмая. В горном ущелье

Глава девятая. Утёс

Глава десятая. Косматый Агу

Глава одиннадцатая. Во тьме веков

КЛАССНАЯ КЛАССИКА

Жозеф Рони-Старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

Роман

Перевод с французского

Ирины Орловской

Художник

Юрий Богачёв

Москва
«Махаон»

Joseph Rosny ainé
LA GUERRE DU FEU
1909

Вступительная статья Ольги Корф

Рони-Старший Ж.

Борьба за Огонь : роман / Жозеф Рони-Старший ; [пер. с фр. И. Орловской] ; вступ. статья О. Корф ; худож. Ю. Богачёв. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2022. – ил. – (Классная классика).

ISBN 978-5-389-10175-3

0+

«Борьба за Огонь» – визитная карточка классика французской литературы Жозефа Рони-Старшего. Написанная в 1909 году, книга до сих пор читается с огромным интересом и пользуется заслуженной популярностью во всём мире. «Борьба за Огонь» открывает «доисторический цикл» писателя и переносит нас в эпоху каменного века, когда первобытный человек только появился на Земле и вынужден бороться за выживание.

Огонь, подаренный людям самой природой, был спасением для доисторических племён. Он был защитой от холода, голода, диких зверей... Утрата огня грозила гибелью всему племени. Первобытные люди обожествляли огонь – для них он был Огонь.

И вот когда племя уламров лишилось его, молодой охотник и воин Нао, сын Леопарда, вместе с двумя товарищами отправляется в опасное путешествие, чтобы добыть новый огонь и спасти сородичей...

© Орловская И.С., наследники, перевод на русский язык, 2022

© Богачёв Ю.Н., иллюстрации, 2022

© Вступительная статья, оформление,

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Махаон®

«ВСЕ РАДОСТИ ЖИЛИ ТОЛЬКО ОКОЛО НЕГО»...

«Борьба за Огонь» – визитная карточка Рони-Старшего. Более ста лет эту историю читают во всём мире. Огонь, подаренный людям самой природой, был спасением для доисторических племён. Был защитой от холода, голода, диких зверей, действительно «все радости жили только около него»...

Автор этой захватывающей книги, Жозеф Анри Онорэ Бёкс (1856–1940), стал известным под псевдонимом Ж.-А. Рони. Под тем же именем издавались произведения, которые он написал вместе с младшим братом, Серафином Жюстеном Франсуа. Когда братья поссорились, их творческое сотрудничество прекратилось, и один стал Рони-Старшим, другой – Рони-Младшим.

Писатель родился и вырос в Бельгии, в Брюсселе. Он получил прекрасное классическое образование. Особенно увлекался естественными науками – математикой, физикой, химией, собирался стать учёным, но пришлось, меняя профессии, зарабатывать на жизнь. После женитьбы восемнадцатилетний Жозеф-Анри переехал в Лондон, где был и педагогом-наставником в колледже, и телеграфистом. Тогда же он начал писать и первую книгу издал на английском языке. Позднее он обосновался в Париже, где прожил всю оставшуюся жизнь. Рони-Старший – заметная фигура в истории литературы, один из самых уважаемых писателей Франции, кавалер ордена Почётного легиона. Долгие годы он возглавлял Гонкуровскую академию, присуждавшую престижную литературную премию. Но после смерти писателя его

имя надолго исчезло с литературной карты, и только благодаря усилиям внука книги Рони-Старшего стали переиздаваться. После выхода в 1981 году культового фильма Жан-Жака Арно «Борьба за Огонь», удостоенного премии «Оскар», популярность писателя во всём мире увеличилась многократно. В нашей стране Рони-Старший – один из самых издаваемых французских авторов.

Особенно прославили его истории об увлекательных путешествиях во времени – в далёкое прошлое и в не менее загадочное будущее. Рони-Старший считается одним из основателей жанра научной фантастики, хотя в то время самого термина ещё не было (с 1980 года во Франции вручается премия Рони-Старшего за лучшее произведение в жанре научной фантастики). Невероятно увлекательны его истории о будущем человечества, хотя авторские прогнозы не выглядят оптимистичными: чаще всего в этих произведениях жителям Земли грозит гибель.

Среди наиболее известных книг о доисторических временах – романы «Вамирэх», «Эйримах», «Борьба за Огонь», «Пещерный лев», «Гигантская кошка», «Хельевор с Голубой реки». Рони-Старший обладал талантом оживлять то, что другим людям трудно было себе представить. Богатое, причудливое воображение писателя создавало такие живописные картины, что Земля и её обитатели представляли живыми, как будто он видел их своими глазами. Роскошная природа, невиданные звери, буйство стихии – всё это было описано размашистой кистью художника.

Главная тема доисторического цикла – борьба диких племён за выживание. Весь мир был враждебным, а ещё люди постоянно воевали друг с другом – за территорию, за пищу, за огонь. Они мало знали, мало умели, но могли храбро сражаться и отнимать у более слабых то, что им было нужно. Так вели себя и трое молодых

людей, которые должны были вернуть родному племени источник жизни – огонь. Им пришлось проявить недюжинную силу, ловкость, мужество, но они обрели и новое знание: научились ладить с природой, понимать не только друг друга, но и животных. Кто бы мог подумать, что главному герою удастся подружиться с самым опасным из животных – мамонтом! Внутренний мир необыкновенного юноши Нао, который добыл огонь и спас сородичей, показан с замечательной психологической точностью и глубиной. Нао открыл в себе мир эмоций и чувств, сделав огромный шаг на пути пробуждения в человеке человека – эта мысль, важная для автора, остаётся ценной и сейчас.

Ольга Корф

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Смерть Огня

Племя уламров спасалось бегством в непроглядной темноте ужасной ночи. Обезумевшие от страданий люди не чувствовали боли, не замечали усталости. Огонь умер – и всё меркло перед лицом этого страшного несчастья.

Со времён возникновения племени уламы хранили Огонь в трёх ивовых плетёнках, обмазанных глиной. Четыре женщины и два воина денно и нощно стерегли и кормили его.

В самые трудные и тяжёлые для племени времена Огонь всегда получал пищу, которая поддерживала его жизнь. Надёжно защищённый от ливней и ураганов, разливов и наводнений, он вместе с племенем перебирался через реки и болота, бледнея при свете дня и багровея с наступлением сумерек. Его могучая сила отгоняла от становища чёрного льва и жёлтого льва, пещерного медведя и серого медведя, тигра и леопарда и даже самого владыку саванны – мамонта. Его острые красные зубы защищали человека от огромного и враждебного мира.

А сколько радостей дарил Огонь людям! Он извлекал из мяса дразнящий запах, придавал крепость камня остриям деревянных копий и дротиков, раскалывал на куски обломки кремня. Близость его разливалась по телу сладостным теплом. Он согревал и ободрял сердца людей в холодные ветреные ночи, в чаще дремучего леса и в глубине сырых пещер, на нескончаемых просторах степей и саванн. Огонь был Отцом, хранителем, спасителем племени. И вместе с тем он был опаснее львов и мамонтов, когда, внезапно вырвавшись из плетёнки, принимался пожирать степную траву или вековые деревья.

И вот Огонь уламров умер! Враги уничтожили две плетёнки. В третьей во время стремительного бегства Огонь захирел и поблек. Он был так слаб, что не мог съесть даже крохотной сухой былинки; он трепетал и бился, словно раненный насмерть зверёк. Потом он превратился в маленькую красную точку, которая с каждым порывом ветра делалась всё меньше и меньше. А потом он исчез...

Осиротевшие уламы бежали сквозь осеннюю ночь. В чёрном небе не было ни одной звезды. Тяжёлые тучи, казалось, задевали своими краями верхушки редких деревьев; болотные травы простирали к небу холодные, влажные стебли. Слышно было, как в тёмной воде шевелятся рептилии. Мужчины, женщины и дети, прислушиваясь к голосам вожаков, идущих впереди, пробирались в полной темноте через огромное болото по узкой полосе твёрдой земли. Тот, кто оступался, сразу уходил с головой в чёрную воду и исчезал в ней, не успев даже вскрикнуть. Три поколения уламров знали эту тропу, но, чтобы не сбиться с неё ночью, нужен был хотя бы свет звёзд.

На рассвете беглецы достигли края болота и увидели перед собой саванну.

Холодный свет сочился сквозь тяжёлые тёмные тучи

на востоке. Ветер рябил ржавую поверхность болотных вод, жирных и вязких, как смола. Кое-где из воды, словно бородавки, торчали кочки. Меж стеблей кувшинок и стрелолиста копошились сонные гады. Цапля взмыла вверх и, покружившись над болотом, села на пепельно-серое в утреннем свете дерево.

Перед взорами уламров простиралась бесконечная саванна. Клубы рыжеватого тумана перекатывались по трепещущей от пронизывающего предрассветного ветерка траве. Последним усилием воли люди рванулись вперёд и, с трудом продравшись сквозь густые камыши, очутились наконец на твёрдой земле, среди высоких трав.

Лихорадочное возбуждение, поддерживавшее уламров во время долгого ночного бегства, разом покинуло их. Большинство мужчин в изнеможении повалилось на землю и мгновенно погрузилось в глубокий сон. Женщины сопротивлялись усталости более стойко, чем мужчины; те, которые потеряли во время бегства детей, выли от горя, словно волчицы; те же, чьи дети чудом уцелели, судорожно прижимали их к себе или в порыве безотчётной благодарности поднимали к низкому хмурому небу. Все пали духом, вспоминая о постигшем племя ужасном бедствии и предчувствуя тяжёлые, полные горя и лишений дни.

Вождь племени, Фаум, воспользовался первыми проблесками дневного света, чтобы пересчитать своих

соплеменников. Он вёл счёт с помощью пальцев и древесных веток. Каждая ветка была равна количеству пальцев на обеих руках. Осталось только четыре ветки воинов, более шести веток женщин, около трёх веток детей и меньше одной ветки стариков.

Старый Гоун, умевший считать лучше всех людей племени, сказал, что уцелели только один мужчина из пяти, одна женщина из трёх и один ребёнок из целой ветки...

Только теперь уламы ощутили всю тяжесть обрушившегося на них несчастья. Они поняли, что жизни племени угрожает смертельная опасность, что с потерей Огня они снова беззащитны перед лицом грозных сил природы и отныне обречены влачить лишь жалкое существование.

Отчаяние овладело даже мужественным сердцем Фаума. Он не доверял больше своей громадной физической силе, своим мощным рукам и могучим мускулам. На его широком, заросшем жёсткой щетиной лице, в жёлтых, как у леопарда, глазах отражалась смертельная усталость. Он угрюмо разглядывал раны, нанесённые ему вражескими дротиками и копьями, слизывая по временам кровь, всё ещё сочившуюся из глубокой царапины на левом предплечье.

Подобно всем побеждённым, Фаум не переставал вспоминать ту минуту, когда победа стала клониться в его сторону. Уламы яростно бросились в бой; огромная палица Фаума без устали крушила врагов. Ещё миг, и уламы перебьют всех своих противников, захватят в плен женщин, растопчут вражеский Огонь и будут по-прежнему охотиться в своей родной саванне, в изобилующих дичью девственных лесах...

Какой злой ветер пронёсся над полем битвы? Почему уламы, внезапно охваченные ужасом, обратились в паническое бегство и кости их захрустели под палицами врагов, в то время как копья и дротики безжалостно

пронзали тела бегущих и раздирали их в клочья? Как случилось, что враги ворвались в родное становище и убили священный Огонь?

Мрачные мысли сверлили тёмный мозг Фаума, приводя его в исступление и бессильную ярость. Он не хотел, не мог примириться со своим поражением, чувствуя в себе столько энергии, отваги и ненависти!

* * *

День вставал во всём своём блеске и могуществе. Лучи восходящего солнца пробились сквозь плотную завесу облаков, и от первого их прикосновения закурились паром болото и саванна. Радость утра и свежее дыхание растений несли они с собой. Даже тёмная поверхность болота не казалась уже больше зловещей и коварной. Она то отсвечивала серебром среди ядовито-яркой зелени островков и кочек, то отливала малахитом и жемчугом, то словно покрывалась чешуйками слюды под дуновением ветерка. Сквозь пышные заросли тополей и ольхи до измученных людей доносился прохладный запах воды.

Солнечные лучи скользили по изменчивой глади и мимолетно озаряли то тёмно-зелёную массу водорослей, то жёлтый цветок кувшинки, то белую водяную лилию. В их зыбком свете вспыхивали поочерёдно то куст болотного молочая, то стебель стрелолиста или синего касатика, то островок жёлтых лютиков, то бархатистые лапки заячьей капусты, то круглые листья росянки, то непроходимые заросли камышей и лозняка, где гнездились водяные курочки, белоглазые нырки, изумрудные чибисы, проворные зуйки и грузные дрофы. Серые цапли высматривали добычу по берегам круглых заливчиков; стая журавлей, хлопая крыльями, с криком опустилась на каменистый мысок. Острозубая щука с громким всплеском врезалась в стайку линей, а

последние стрекозы стремительно проносились над водой, словно вспышки зелёного света или искры лазурита.

Фаум с грустью взирал на оставшихся в живых уламров. Сбившиеся в тесную кучу люди были жёлтыми от болотной глины, зелёными от облепивших их тело водорослей, красными от крови, струившейся из ран. Одни лежали, свернувшись клубком, словно питоны; другие распластались на земле подобно гигантским ящерицам. От них несло лихорадочным жаром и запахом разлагающегося мяса. Некоторые метались и хрипели, борясь со смертью. Раны их почернели от запёкшейся крови. Однако Фаум знал, что почти все раненые должны выжить. Самые слабые погибли на том берегу или утонули при переправе.

Вождь перевёл взгляд со спящих на тех, кто не мог уснуть, потому что горечь поражения терзала их сильнее, чем усталость. Это были лучшие воины, цвет племени уламров. Их массивные головы с низким лбом и тяжёлыми челюстями крепко сидели на широких плечах. Кожа была загорелой и обветренной, но не чёрной; коренастые торсы и мускулистые руки и ноги обросли густыми волосами. Остротой обоняния они могли соперничать с любым хищником. Суровый, порой свирепый взгляд больших, глубоко посаженных глаз смягчался и становился почти нежным лишь у маленьких детей и некоторых молодых девушек.

Люди каменного века, конечно, сильно отличались от нас по своему внешнему облику, но уже были настоящими людьми, в полном смысле этого слова. И они были молоды той великолепной молодостью, которая неведома теперь нам, их далёким потомкам, как непонятна современному человеку та несокрушимая энергия и упорство, с которыми первобытные люди отстаивали своё право на существование в жесточайшей повседневной борьбе с окружающим их враждебным

миром.

* * *

Фаум воздел руки к восходящему солнцу и протяжно закричал:

- Что станет с уламами без Огня? Как будут жить они в саванне и в лесу? Кто защитит их от ночного мрака и зимних холодов? Им придётся есть сырое мясо и горькие корни трав! Они не смогут согреть свои озябшие тела, и концы их дротиков и копий будут мягкими, словно глина. Лев и махайрод, медведь и тигр, леопард и гиена будут пожирать их живьём в тёмные ночи! Кто вернёт племени Огонь? Тот, кто сумеет это сделать, станет братом Фаума. Он будет получать три части на охоте и четыре части из остальной добычи. Фаум отдаст ему в жёны Гаммлу, дочь своей сестры! А если Фаум умрёт, он станет вождём племени!

Нао, сын Леопарда, поднялся с места.

- Пусть мне дадут двух быстроногих воинов, - сказал он, - и я добуду для племени Огонь у сыновей Мамонта или у Пожирателей Людей, которые охотятся на берегах Двойной реки!

Фаум метнул на молодого воина недоброжелательный взгляд. Нао был самым рослым среди уламов, и плечи его становились шире с каждым годом. Не было у племени воина более ловкого и неутомимого в беге. Он поборол на состязании Му, сына Бизона, первого после Фаума силача племени. И Фаум опасался Нао. Он давал молодому воину самые опасные задания, подвергая его жизнь смертельному риску, и старался держать подальше от остальных уламов.

Нао тоже не любил вождя уламов. Но высокая, стройная, пышноволосая Гаммла с загадочным взглядом больших зеленоватых глаз вызывала в нём трепет и смутный восторг. Он думал о ней то с

нежностью, то с неистовой яростью. Много раз Нао подстерегал девушку в зарослях лозняка или в чаще леса. Стоя позади дерева, он то широко раскрывал объятия, чтобы нежно прижать её к груди, то судорожно стискивал руки, борясь с желанием кинуться к ней, оглушить ударом палицы и бросить на землю, как делали это уламы с девушками враждебных племён. А между тем он совсем не желал Гаммле зла. Если бы она стала его женой, он никогда не обращался бы с ней грубо, потому что не любил видеть на лицах окружающих людей выражение страха, которое делает их чужими и враждебными.

Конечно, в другое время Фаум отнёсся бы недоверчиво к словам Нао и нашёл предлог, чтобы отделаться от молодого воина. Но горе укротило его гордость. Он подумал, что союз с сыном Леопарда может теперь оказаться для него выгодным; если же этого не произойдёт, он всегда найдёт способ избавиться от опасного соперника. И, повернувшись к юноше, вождь сказал:

- У Фаума только один язык! Если ты вернёшь племени Огонь, ты получишь Гаммлу без всякого выкупа или обмена. Ты станешь сыном Фаума!

Подняв руку вверх, он говорил с расстановкой, холодно и высокомерно.

Закончив речь, Фаум сделал знак Гаммле.

Девушка приблизилась, трепеща, подняв на вождя свои прозрачные глаза, изменчивые, как быстротекущая речная вода.

Гаммла знала, что Нао часто подстерегает её среди высоких трав и деревьев. Когда он появлялся перед ней с таким видом, будто готов кинуться на неё, девушка пугалась. Но в иные минуты его лицо не вызывало у неё неприязни. И теперь она одновременно желала и чтобы Нао погиб под ударами людоедов, и чтобы он вернул племени Огонь...

Тяжёлая рука Фаума властно опустилась на плечо Гаммлы.

- Кто из дочерей человеческих сравнится с моей Гаммой?! - воскликнул он гордо. - Она может унести на одном плече убитую лань, идти, не зная усталости, от утренней зари до захода солнца, переплывать озёра и реки, стойко переносить голод и жажду. Кто умеет, как она, выделывать звериные шкуры? Она подарит своему мужу могучих сыновей! Если Нао сумеет добыть Огонь, он получит Гамму без всякого выкупа. Ему не придётся отдавать за неё ни кремнёвых топоров, ни рогов зубра, ни медвежьих шкур, ни цветных раковин.

Агу, сын Зубра, самый волосатый среди уламров, внезапно выступил вперёд.

- Агу тоже хочет завоевать Огонь, - сказал он низким, хриплым голосом. - Вместе со своими братьями он пойдёт добывать его у врагов по ту сторону болота. Он либо погибнет под ударами топоров и палиц, либо вернёт уламрам Огонь, без которого они слабее сайги и беззащитней оленя!

Всё лицо Агу, казалось, состояло из огромного рта, окаймлённого кровавой полосой толстых губ. Глаза горели зелёным огнём. Руки казались особенно длинными на коротком, коренастом туловище, а плечи - непомерно широкими. Весь облик Агу говорил о его чудовищной силе: звериной, свирепой, не знающей пощады.

Никто не знал, как велика эта сила. Агу никогда не мерился ею на состязаниях ни с Фаумом, ни с Му, ни с Нао. Но все знали, что тот, кто становился на его пути, неизменно терпел поражение. Счастлив был воин, отделавшийся одним увечьем; многие расстались с жизнью, и Агу присоединил их скальпы к своим прежним трофеям.

Агу жил в стороне от становища, вместе с двумя своими братьями, такими же волосатыми и свирепыми,

как он сам, и с несколькими женщинами, забитыми и несчастными созданиями, обречёнными на ужасающее рабское существование.

Даже среди суровых друг к другу и беспощадных ко всем остальным представителям человеческого рода уламров сыновья Зубра выделялись своей жестокостью и кровожадностью. Смутное недовольство ими росло среди племени – первая попытка людей объединиться перед лицом подобной опасности и общими силами противостоять ей.

Группа сторонников окружала Нао, которому многие соплеменники ставили в упрёк его снисходительность к поверженным врагам и незлопамятность. Но эти же качества привлекали к могучему воину сердца тех, кого природа обделила ловкостью и физической силой.

Фаум ненавидел Агу не меньше, чем сына Леопарда, а боялся его ещё больше. Союз трёх косматых братьев казался ему непобедимым. Если один из них жаждал чьей-нибудь смерти, два других хотели того же. Тот, кто осмелился бы объявить Агу войну, должен был либо погибнуть, либо уничтожить всех трёх братьев.

Фаум искал союза с сыновьями Зубра, но они всегда уклонялись от его заискиваний, полные глухого недоверия ко всем людям и неспособные поверить ни в слова, ни в поступки. Всякое проявление симпатии они воспринимали с подозрением и не признавали иного вида лести, кроме панического страха перед их звериной силой.

В глубине души Фаум был, пожалуй, так же недоверчив и безжалостен, как Агу и его братья, но он обладал несомненными качествами вождя: заботился о нуждах племени, был снисходителен к своим приверженцам, решителен, храбр, верен данному слову и по-своему справедлив и прям.

Фаум ответил с лёгким оттенком предупредительности в голосе:

- Если сын Зубра вернёт Огонь уламрам, он получит Гаммлу без выкупа и станет вторым вождём племени, которому все воины будут подчиняться во время моего отсутствия.

Агу слушал речь Фаума с грубым равнодушием, не отрывая жадного взгляда от лица Гаммлы. Его маленькие глазки вдруг сверкнули угрозой.

- Дочь Болота будет принадлежать сыну Зубра! - крикнул он хрипло. - Смерть тому, кто посмеет посягнуть на неё!

Эти слова возбудили гнев Нао. Он принял страшный вызов.

- Гаммла достанется тому, кто вернёт племени Огонь!
- провозгласил он звучным голосом.

- Сын Зубра вернёт его!

Взгляды их скрестились, как хорошо отточенные топоры. До сегодняшнего дня у этих людей не было повода для вражды. Каждый знал о силе другого, но интересы их ни разу не сталкивались. Речь Фаума зажгла в груди у обоих чувство соперничества и ненависть друг к другу.

Агу, ещё вчера даже не смотревший на Гаммлу, когда та боязливо пробежала мимо него при встрече, вздрогнул всем телом, слушая речь Фаума, восхвалявшего достоинства девушки. Страсть, слепая и неистовая, как все его желания и чувства, мгновенно вспыхнула в косматой груди Агу. С этой минуты он обрекал на смерть любого соперника.

Нао знал это. Он крепче сжал правой рукой топор и взял копьё в левую руку. Услышав слова Нао, младшие братья Агу подошли и стали рядом с сыном Зубра, молчаливые и угрожающие.

Все три брата были поразительно похожи друг на друга: огненно-рыжие, волосатые, с крохотными, глубоко сидящими глазками, тусклыми, словно надкрылья жужелиц. Стремительность их была ещё

страшней, чем сила.

Косматые братья следили за каждым движением Нао, готовые в любую минуту ринуться на него. Но среди воинов поднялся глухой ропот. Даже те, кто всегда осуждал Нао за незлобивость, не хотели его гибели, особенно теперь, когда племя потеряло столько храбрых воинов и Нао обещал вернуть уламрам Огонь. Все знали, что Нао изобретателен и хитроумен, неутомим в поисках и необычайно искусен в обращении с Огнём. Кроме того, многие верили в его удачливость.

Агу также обладал силой, хитростью и упорством в достижении поставленной цели. Племя могло только выиграть от того, что два лучших воина отправятся одновременно на поиски Огня.

В сильном возбуждении все вскочили на ноги. Приверженцы Нао сгрудились вокруг сына Леопарда и, поощряемые криками остальных уламров, приготовились защищать его от нападения косматых братьев.

Сын Зубра не знал страха, но осторожность не была чужда ему. Он решил отложить счёты с Нао до более благоприятной минуты.

Костлявый и долговязый Гоун, самый старый из уламров, выразил словами чувства, волновавшие всех людей племени.

- Разве уламы хотят своей гибели? - сказал он. - Неужели они забыли, сколько храбрых воинов погибло от руки врагов и в Большом болоте? Из каждых четырёх мужчин остался только один! Все, кто в силах держать в руках топор и палицу, должны жить! Нао и Агу - сильнейшие среди охотников, которые преследуют зверя в лесу и в саванне. Если один из них умрёт, племя потеряет больше, чем если бы погибло четверо других воинов. Дочь Болота будет женой того, кто вернёт уламрам Огонь! Такова воля племени!

- Да будет так! - сказали все воины.

И женщины, которых было вдвое больше, чем мужчин, и чья сила лишь немногим уступала мужской, подтвердили в один голос:

- Гаммла будет принадлежать похитителю Огня!

Агу презрительно пожал волосатыми плечами. Он не боялся никого, но понимал, как опасно противостоять воле всего племени.

Уверенный в своём превосходстве над Нао, он решил сразиться с ним один на один и уничтожить ненавистного соперника.

Сделав знак младшим братьям, он повернулся и, тяжело ступая, удалился вместе с ними в заросли ивняка.

Глава вторая

Мамонты и зубры

Это происходило на заре следующего дня.

Высоко в небе ветер гнал облака, но над самой землёй и над болотом воздух стоял неподвижно, горячий, напоённый ароматом душистых трав. Небо было подобно гигантскому синему озеру. Дрожа и переливаясь, растекалась по этому озеру алая пена утренней зари.

Пробудившиеся уламы, повернув свои лица к пылающему небесному костру, чувствовали, как в их сердцах растёт благоговейный восторг перед величественным зрелищем рождающегося дня. Это же чувство, должно быть, наполняло и грудь певчих пташек, славивших звонкими голосами восходящее солнце.

Раненые воины протяжно стонали и бредили; их томили жар и жажда.

Один из раненых ночью умер. Его окоченевшее тело неподвижно простёрлось на траве. Старый Гоун что-то тихо бормотал над ним.

Фаум приказал бросить труп умершего в воду.

Когда печальный обряд был закончен, внимание всего племени обратилось на охотников за Огнём – Агу и Нао, – готовых тронуться в далёкий путь.

Косматые братья вооружились палицами, топорами, рогатинами и дротиками с кремнёвыми и нефритовыми наконечниками. Нао, рассчитывая больше на хитрость, чем на силу, выбрал себе в спутники двух быстроногих юношей, ловких, сообразительных и неутомимых в беге. Каждый взял с собой топор, копьё и дротики. Сын Леопарда сверх того захватил свою палицу – толстый дубовый сук, конец которого был умело обожжён на

огне костра. Вооружённый этой палицей, он не боялся вступить в бой с самым страшным хищником.

Фаум обратился сначала к сыновьям Зубра.

- Агу увидел свет раньше, чем сын Леопарда, - сказал он. - Пусть он первым выбирает свой путь. Если Агу пойдёт на юг, в сторону Двуречья, сын Леопарда отправится к Болотам, в сторону заходящего солнца. Если же сын Зубра предпочтёт путь к Болотам, Нао направит свои стопы к Двойной реке.

- Агу ещё не знает, куда он пойдёт! - буркнул в ответ Косматый. - Он будет искать Огонь и может утром направиться к реке, а вечером - к Болотам. Разве может знать охотник, преследующий кабана, где ему удастся настичь зверя?

- Агу должен сказать, в какую сторону он пойдёт, - возразил старый Гоун, и одобрительный ропот толпы поддержал его слова. - Он не может одновременно идти и к Двойной реке, и в сторону заходящего солнца. Пусть выбирает свой путь!

В глубине своей мрачной души сын Зубра сознавал, что требование племени справедливо. Кроме того, он не хотел прежде времени возбудить подозрения у Нао. Бросив угрюмый взгляд в сторону уламров, он проворчал:

- Агу пойдёт в сторону заходящего солнца!

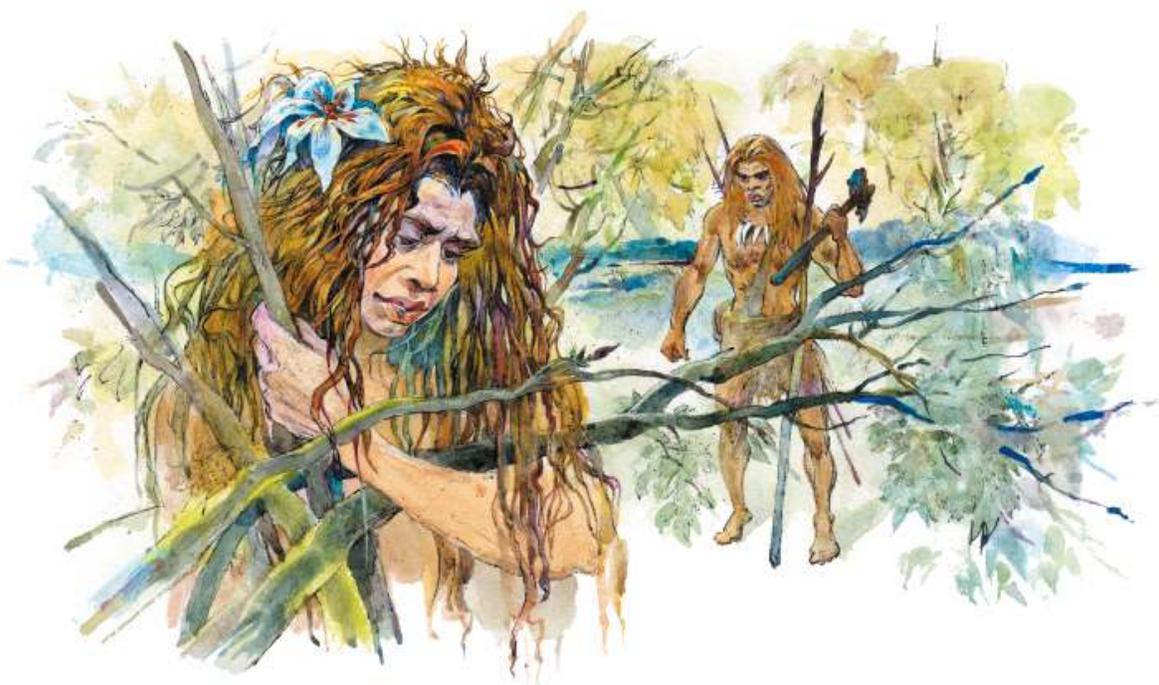
И, сделав знак братьям, он резко повернулся и решительно зашагал по направлению к Болотам.

Нао не сразу последовал его примеру. Ему хотелось ещё раз повидать на прощание Гаммлу. Она стояла под раскидистым ясенем, позади Фаума, Гоуна и других старейшин племени.

Нао медленно приблизился к ней. Девушка не тронулась с места. Лицо её было обращено к саванне, глаза смотрели не отрываясь в бескрайнюю даль. Пышные волосы Гаммлы украшал голубоватый цветок водяной лилии. От всего существа её словно исходило

сияние утра и свежий запах речной воды и степных трав.

Сердце Нао бурно забилося. Он чувствовал, что задыхается от нежности и гнева. Все, кто разлучал его с Гаммой, показались ему вдруг такими же ненавистными, как сыновья Мамонта или Пожиратели Людей.

Он поднял руку, вооружённую топором, и воскликнул:
- Слушай, дочь Болота! Нао никогда не вернётся к своему племени, если не сумеет добыть Огонь! Он найдёт смерть на дне пропасти, утонет в реке, станет добычей волков и гиен - или возвратится победителем. Он принесёт Гамме раковины, синие камни, зубы леопарда и рога зубра!

Девушка бросила на Нао взгляд, в котором светились робкая надежда и детская радость.

Но Фаум нетерпеливо оборвал речь Нао.

- Сыновья Зубра уже скрылись за тополями! - крикнул

он. – Почему сын Леопарда медлит?

Нао круто повернулся, кликнул своих спутников и, не оглядываясь, направился к югу.

* * *

Весь день Нао, Нам и Гав шли по саванне. Трава на ней была ещё зелёной, ветер перекатывал изумрудные волны, словно морские валы. Травы гнулись под ветром, солнце палило их, исторгая из растений бесчисленные ароматы, которыми был напоён горячий, сухой воздух. Однообразная на первый взгляд саванна таила в себе огромное разнообразие растений и животных. Плодородие её было неистоцимо. Среди необозримого моря злаков ютились островки дрока и вереска, виднелись кустики подорожника, зверобоя, шалфея, лютика, тысячелистника, кресса. Местами попадались участки каменистой бесплодной почвы, устоявшей против буйного натиска зелёных полчищ растений. За ними снова начинались заросли шиповника и мальв, красного клевера и васильков, осыпанные белыми цветами кусты боярышника.

Иногда монотонность равнины нарушали невысокий холм, ложбинка, пруд, кишаций насекомыми и пресмыкающимися. Одинокая скала высилась среди моря трав, словно мастодонт на пастбище. Стада антилоп и сайгаков проносились в отдалении, в траве прыгали длинноухие зайцы; порой из зарослей кустарников показывались небольшие стаи волков и диких собак. Над саванной кружили вороны, журавли и дикие голуби, взлетали грузные дрофы и стремительные куропатки. По необозримому простору равнины скакали табуны диких лошадей и лосей. Степенно ступая, шли по краю горизонта громадные зубры. А однажды на пути уламров попался серый медведь, более свирепый, чем тигр, и не уступающий в силе самому пещерному